

Munich Personal RePEc Archive

**CAN UZBEKISTAN ECONOMY
RETAIN ITS HIGH GROWTH RATE?
SCENARIOS OF ECONOMIC
DEVELOPMENT IN 2015-30**

Popov, Vladimir

New Economic School

5 May 2014

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/59785/>
MPRA Paper No. 59785, posted 09 Nov 2014 06:34 UTC

СОХРАНИТ ЛИ ЭКОНОМИКА УЗБЕКИСТАНА ВЫСОКИЕ ТЕМПЫ РОСТА? СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ В 2015-30гг.

В.В. ПОПОВ

АННОТАЦИЯ

В последние 10 лет Узбекистан развивался очень успешно – рост ВВП в среднем на 8%, низкий государственный и внешний долг, заниженный валютный курс, равномерное распределение доходов, создание с нуля конкурентоспособной автопромышленности, ориентированной на экспорт. Задача на будущее – не допустить «головокружения от успехов», предусмотреть возможные риски и быть готовым принять адекватные меры.

Рассматриваются два неблагоприятных шока – снижение цен на главные экспортные товары (золото, хлопок, газ) и замедление темпов роста совокупной факторной производительности, а также возможные ответные меры правительства. Обсуждается текущая промышленная политика – поддержка наряду с автомобильной промышленностью отраслей тяжелой химии (производство синтетического топлива и полипропиленовых изделий из газа) с относительно низким уровнем совокупной факторной производительности и темпами ее роста.

СОХРАНИТ ЛИ ЭКОНОМИКА УЗБЕКИСТАНА ВЫСОКИЕ ТЕМПЫ РОСТА? СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ В 2015-30гг.¹

В.В. ПОПОВ

Узбекистан – самая успешная в экономическом отношении страна бывшего Советского Союза. В 2013 г. ВВП страны более, чем вдвое, превысил уровень 1989 г. Из всех стран Восточной Европы и бывшего СССР только Туркменистан и Азербайджан смогли увеличить ВВП вдвое, но они – крупные ресурсоэкспортеры, а Узбекистан таковым не является, хоть и экспортирует газ и золото. Из переходных экономик только Китай и Вьетнам добились более впечатляющего роста. Внешний и государственный долг в Узбекистана низок, валютные резервы значительны, валютный курс не завышен (Попов, 2014).

Больше того, в Узбекистане правительство с помощью решительной промышленной политики добилось масштабных прогрессивных структурных сдвигов – была достигнута энергетическая и продовольственная самообеспеченность, выросла доля промышленности в ВВП, машиностроения – в промышленности, машинотехнической продукции – в экспорте. Целая отрасль машиностроения – автопромышленность – была создана с нуля, стала конкурентоспособной и экспортирует половину производимой продукции. В 2013 году Узбекистан продал за границу свыше 100 тыс. автомобилей, почти столько же, сколько и Россия, у которой ВВП в 25 раз больше.

Распределение доходов в Узбекистане более равномерно, чем в большинстве других стран, миллиардеров нет вообще, преступность

---

¹ Статья не отражает позицию организаций, с которыми связан автор.

низка, а продолжительность жизни намного выше, чем в странах со схожим уровнем подушевого дохода.

В общем, со всех точек зрения, экономика Узбекистана выглядит как очень успешная, так что главная задача сегодня, видимо, должна состоять в том, чтобы не допустить «головокружения от успехов», предусмотреть возможные экономические риски на будущий период и адекватные ответные меры правительства, необходимые для сохранения экономического роста на уровне последних 10 лет (8%).

Как прогнозировать рост на долгосрочный период

Теория экономического роста дает следующую формулу для разложения роста (прироста продукции) на составляющие факторы:

$$dY = TFP + a*dK + (1-a)*dL, \quad \text{где}$$

dY – темпы экономического роста (прирост ВВП),

dK – темпы прироста основного капитала,

dL – темпы прироста труда (занятости),

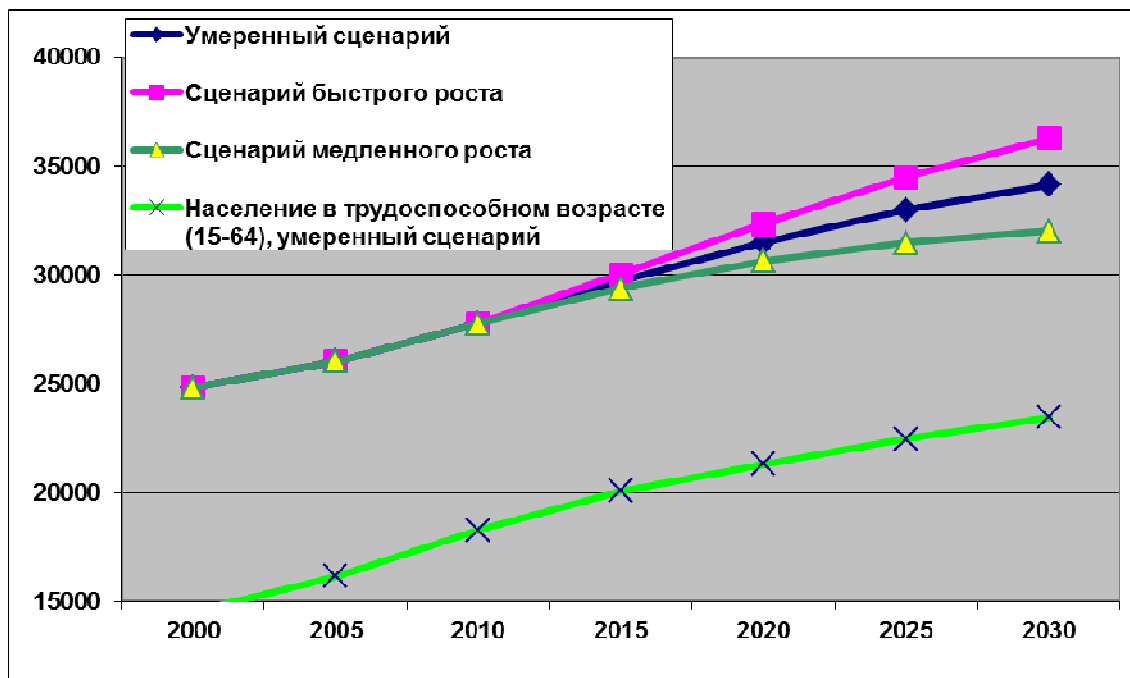
TFP – темпы прироста совокупной факторной производительности (СФП),

a – параметр производственной функции, интерпретируемый как доля капитала в национальном доходе и равный примерно 0,4 для развивающихся стран и 0,3 для развитых стран.

Темпы роста населения и трудоспособного населения (a , следовательно, и занятости, предполагая уровень безработицы неизменным) довольно точно известны – для демографических процессов характерна высокая инерционность, что позволяет делать качественные прогнозы. В

частности, прогноз ООН предполагает, что до 2030 года общее и трудоспособное население Узбекистана будет расти темпом примерно 1% в год (рис. 1), что в соответствии с формулой факторов экономического роста обеспечит порядка 0,6 процентных пунктов (п.п.) ежегодного прироста ВВП.

Рис. 1. Все население и трудоспособное население, прогноз ООН, млн. человек

Источник: UN Population, 2014.

Еще несколько процентных пунктов прироста ВВП в год может быть получено от увеличения совокупной факторной производительности. В 1997-2009 гг. темпы прироста совокупной факторной производительности

варьировались от 0 до 4% (Чепель и др., 2010), так что при благоприятных условиях можно, видимо, рассчитывать на прирост в 2-3% в год.

Следовательно, для достижения ежегодного прироста ВВП в 8-9%² свыше половины всего роста (5-6 п.п.) должно прийти на вклад основного капитала

$$a*dK/K = dY/Y - TFP - (1-a)*dL/L,$$

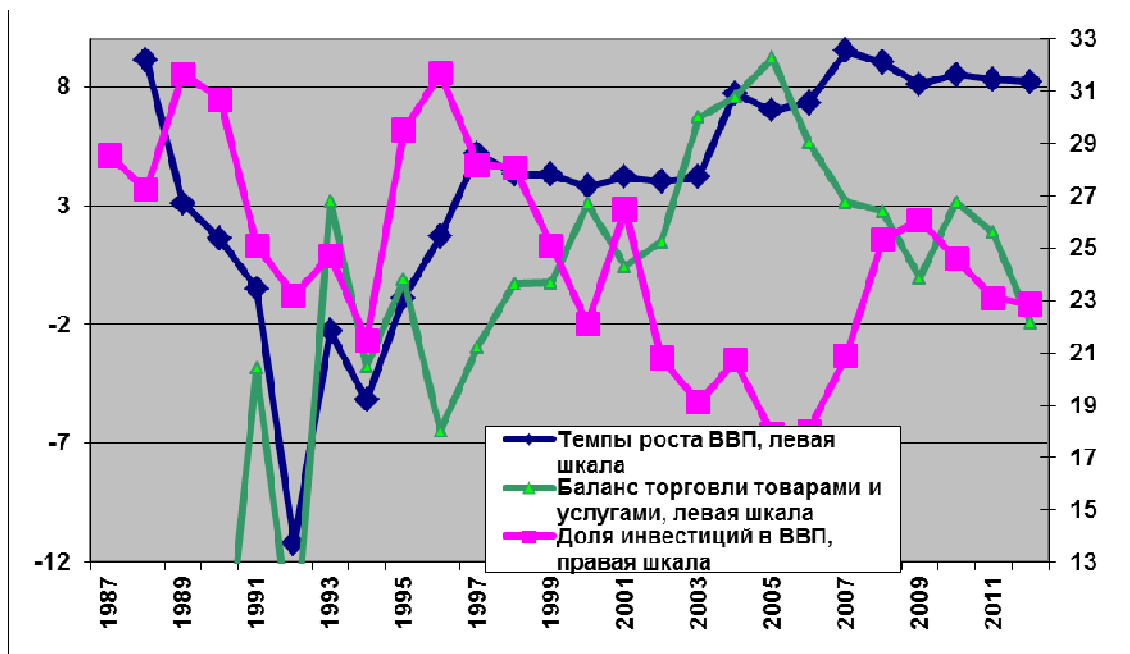
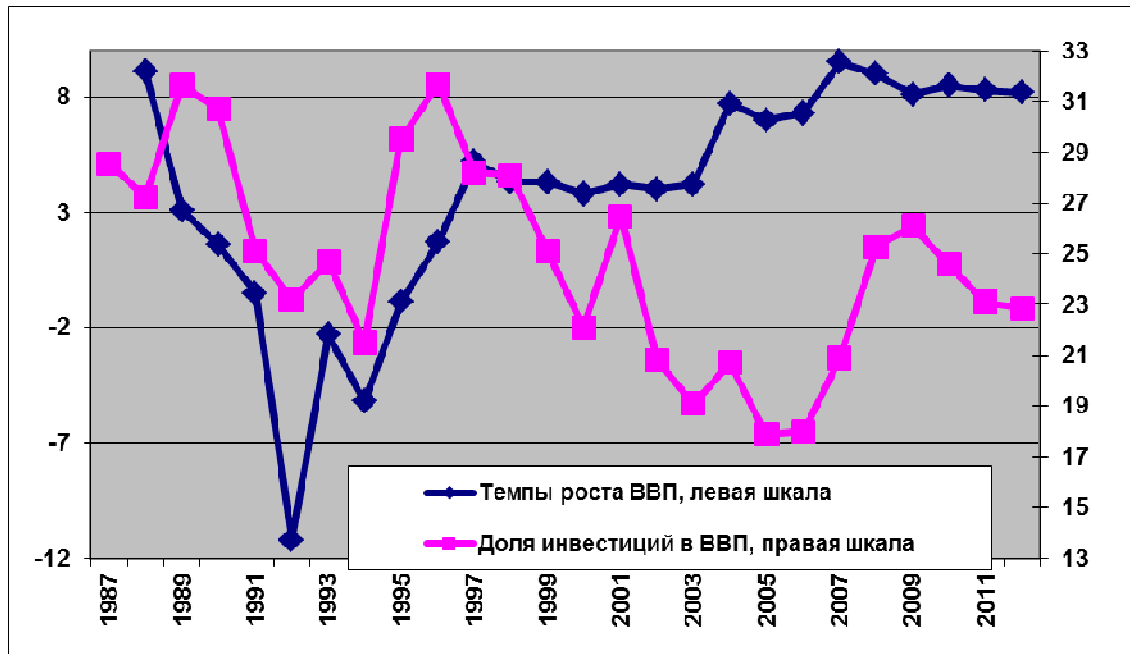
для чего этот основной капитал должен возрасти на 12-15% в год ($dK/K = 6\%$: $0,4 = 15\%$). А при капиталоемкости производства равной 2 ($K/Y = 2$) и нулевом выбытии основных фондов ($dK=G-R$, $R=0$, где G – валовые капиталовложения, R – выбытие) доля капиталовложений в ВВП (G/Y) должна поддерживаться на уровне 30% ($G/Y = dk/Y = dK/K * K/Y = 15:2 = 30\%$). А при повышении капиталоемкости и больших инвестициях на возмещение выбытия доля инвестиций в ВВП соответственно должна еще более повыситься, чтобы поддержать темпы роста на уровне 8-9%.

В последнее время доля инвестиций в ВВП в Узбекистане была значительно ниже – 18-27% в 2000-12 гг. (рис. 2). Причем особенно низкой была доля инвестиций в ВВП в 2002-06гг. (18-21%), в период благоприятной конъюнктуры (высоких цен на основные продукты экспорта – газ, золото, хлопок) и значительного актива по балансу текущих операций.

---

²Для достижения часто обсуждаемого ориентира \$7000 на душу населения в 2030 г. (в ценах 2012 года) с исходного уровня \$1720 в 2012г. (по рыночному валютному курсу) нужен ежегодный рост подушевого дохода в 8%. При росте населения на 1% ежегодно, рост ВВП в 2013-30гг. должен составить порядка 9% в год.

Рис. 2. Доля инвестиций в ВВП в %, сальдо баланса по текущим операциям в % к ВВП и темпы роста ВВП в 1987-2012гг., в %

Источник: WDI.

Тайна совокупной факторной производительности

Есть много работ, в которых анализируются факторы изменения СФП (см. обзор литературы в UNIDO, 2007). В неоклассической теории роста совокупная факторная производительность экзогенна, то есть определяется вне модели, внешними факторами. В эндогенной теории роста делаются попытки связать общую производительность факторов (труда и капитала) с вложениями в образование, НИОКР, инвестициями, прямыми иностранными инвестициями, качеством институтов, открытостью экономики и многими другими переменными. Эмпирические исследования, однако, пока что не позволяют твердо сказать, что мы можем уверенно предсказывать темпы роста совокупной факторной производительности.

В 1994г. Пол Кругман – один из самых известных американских экономистов, основываясь на новых расчетах факторов экономического роста в Восточной Азии, произведенных Элвином Янгом, заключил, что тайны восточноазиатского роста не существует (Попов, 2002; Роров, 2010). Он считал, что восточноазиатский рост был в основном экстенсивным, как и в СССР, то есть произошел за счет ускоренного накопления капитала, а не из-за роста совокупной факторной производительности. Из этого следовало, что никакой великой тайны в этом росте нет – если вы готовы направлять свыше трети своего ВВП на инвестиции, ограничивая потребление, то тоже можете так расти.

В классической теории экономического роста считается, что увеличение вложений одного из факторов без пропорционального увеличения вложений других непременно ведет к снижению отдачи: скажем, увеличение капиталовложений в машины и оборудование без

соответствующего увеличения занятости будет давать все меньшие и меньшие приросты выпуска. Поэтому форсировать инвестиции – ускоренно накапливать капитал – не слишком выгодно: произойдет снижение эффективности капиталовложений, так что ускорение роста, если и произойдет, то самое незначительное.

В качестве примера сторонники такой точки зрения ссылаются на экономический рост в СССР, который был очень высоким в 50-е годы (8% ежегодно), а потом упал до 2-3% в 80-е из-за (по их мнению) перенакопления капитала: доля инвестиций в ВВП в этот период возростала и возросла аж до 35%, накопление основных фондов шло высокими темпами, а вот результаты были более, чем скромные. Как говорила Алиса в «Стране чудес», нам приходилось бежать вдвое быстрее, чтобы остаться на том же самом месте. Или, как однажды написал британский журнал «Экономист», СССР довел уровень инвестиций в ВВП до японского уровня, но результаты оказались совсем «неяпонскими».

Считалось, что советская экономическая динамика – лучшая иллюстрация классической теории роста (модели Солоу): если вклад технического прогресса незначителен, каким он и был у нас, то есть, если рост по преимуществу экстенсивный, то поддерживать высокие темпы роста за счет высоких инвестиций длительное время невозможно, они неизбежно падают, приближаясь к темпам роста населения.

Так что Кругман предсказывал, что быстрый восточноазиатский рост скоро закончится, как закончился советский рост, потому что по мере истощения резервов рабочей силы из-за полного вовлечения женщин в

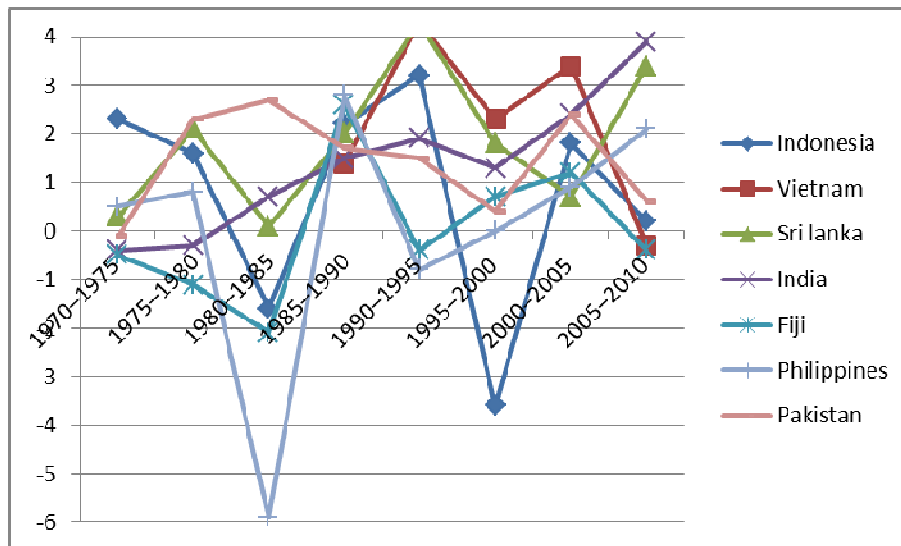
производство и сокращения аграрного перенаселения вследствие миграции крестьян в города наращивание инвестиций дает все меньшую отдачу, эффективность накопления все более падает.

Однако время, похоже, опровергло предсказания Кругмана. После кризиса 1997 г. восточноазиатский рост продолжился, и вскоре появились исследования, показывающие, что темпы роста совокупной факторной производительности не обязательно замедляются по мере увеличения доли инвестиций в ВВП. Скажем, в Китае до сих пор не видно признаков снижения темпов роста СФП, хотя доля инвестиций в ВВП достигла беспрецедентного в мире уровня – почти 50%.

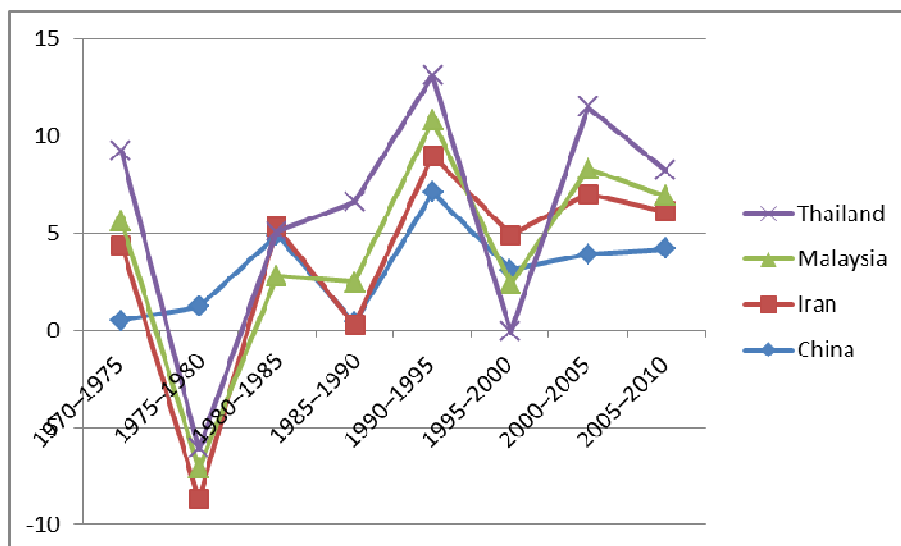
Как видно из рис. 3, в азиатских странах с относительно низким ВВП на душу (от от \$2700 до \$6200 по ППС) и со средним подушевым ВВП (от \$9000 до \$17 000 по ППС) темпы роста СФП, скорее, повышались, чем падали, тогда как в более богатых странах, в том числе в США, они, похоже оставались стабильными. Рост СФП в развитых странах и территориях (Гонконг, Сингапур, США, Тайвань, Ю. Корея, Япония) обычно не превышал 2% (рис. 3). В США – стране, находившейся в последние 100 лет на острие технического прогресса, темп роста СФП составлял в 1870-2010 гг. порядка 1-2% и только в отдельные периоды (Великая депрессия 30-х годов, в ходе которой резко сократилась как занятость, так и капитал, вторая мировая война) поднимался до 3% (табл. 1).

Рис. 3. Темпы роста совокупной факторной производительности в 1970-2010 гг. в азиатских странах с разным уровнем подушевого дохода и в США

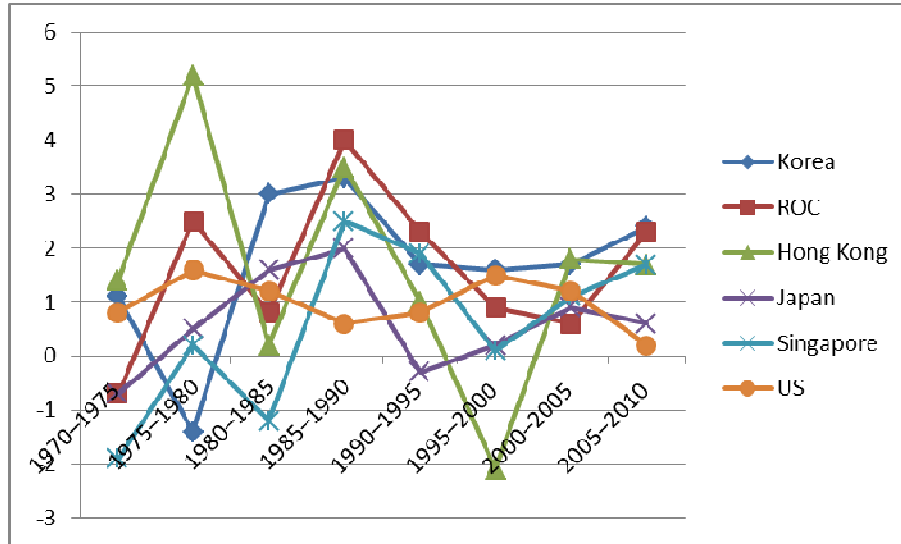
Страны с подушевым ВВП по ППС в 2012 г. от \$2700 до \$6200

Страны с подушевым ВВП по ППС в 2012 г. \$9 000 до \$17 000

Страны с подушевым ВВП по ППС в 2012 г. от \$30 000 до \$52 000

Источник: APO (2013).

Таблица 1. Темпы роста совокупной факторной производительности в США в 1870-2010 гг., в %

Период	Среднегодовые темпы роста СФП
1870 to 1900	~ 1.5% to 2%
1900 to 1920	~ 1%
1920s	~ 2%
1930s	~ 3%
1940s	~ 2.5%
1950 to 1973	~ 2%
1973 to 1990	< 1%
1990s	> 1%
2000s	~ 1.5%
1870 to 2010	~ 1.6% to 1.8%
1950 to 2010	~ 1.2% to 1.5%

Источник: Shackleton (2013).

В самых успешных странах догоняющего развития (Иран, Китай, Малайзия, Таиланд) рост СФП часто превышал 5% в год (рис. 3). Однако в странах, схожих с Узбекистаном по уровню подушевого дохода, рост СФП был не выше 3% (рис. 3). Так что есть смысл считать, что при самом благоприятном стечении обстоятельств рост СФП в 2015-30гг. сохранится на уровне 2- 3%.

Сценарии будущего роста

Благоприятный сценарий. Темпы роста СФП не замедляются, остаются на уровне 2-3% в год, цены на экспортные товары остаются высокими, так что торговый баланс и платежный баланс по текущим операциям сводятся с профицитом. В этом случае для обеспечения роста на 8-9% в год доля инвестиций может несколько вырасти к концу периода (2030 г.), если капиталоемкость производства повысится и для достижения такого же прироста основного капитала (15%) потребуется более высокая доля инвестиций в ВВП.

В рамках этого варианта возможно постепенное возвращение мигрантов, работающих за границей. С одной стороны, их возвращение на родину приведет к снижению денежных переводов, что ухудшит платежный баланс. Но с другой, если они найдут работу в Узбекистане в экспортном секторе, потери от снижения переводов мигрантов могут быть компенсированы увеличением валютных поступлений от роста экспорта. Более того, возвращение мигрантов существенно увеличит темпы роста занятости в самом Узбекистане: при возвращении 100 тыс. человек

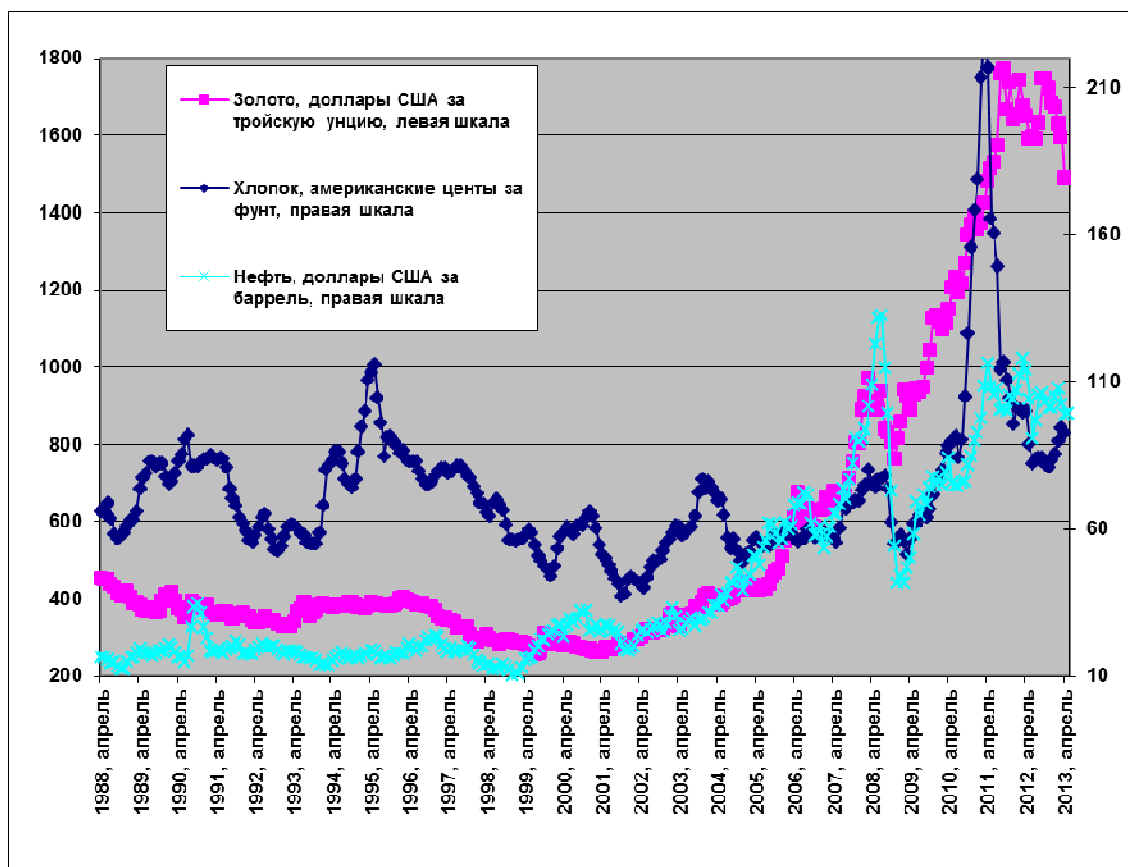
ежегодно темпы роста занятости повысятся на 1 п.п., то есть добьются к ежегодным темпам экономического роста еще 0,6 п.п. Но в этом случае необходимо будет обеспечить возвращающихся мигрантов рабочими местами, что потребует дополнительного увеличения темпов роста основного капитала – на 1 п.п., то есть повышения нормы накопления на 2 п.п., например, с 25 до 27% ВВП. Это даст дополнительные 0,4 п.п. роста ВВП, так что темпы экономического роста вырастут на 1 п.п. (0,6 + 0,4).

Неблагоприятные сценарии. Падение цен на главные статьи узбекского экспорта – золото, газ и хлопок, что может вызвать ухудшение торгового и платежного балансов в размере 10% ВВП (в последние 20 лет баланс по текущим операциям изменялся в пределах -7 – +9 % от ВВП – рис. 2). Как видно из рис. 4, цены на эти товары в минувшие 5 лет были довольно высоки, так что их снижения в будущем нельзя исключить.

В этом случае возможны разные варианты политики – (1) девальвация национальной валюты, (2) сокращение валютных резервов без стерилизационных операций центрального банка, (3) сокращение валютных резервов, полностью стерилизованное операциями центрального банка, то есть без изменения денежной массы в обращении. В третьем случае снижения уровня сбережений можно избежать, но в первых двух случаях хотя бы частичное снижение частных сбережений и инвестиций неизбежно, так что для поддержания прежних темпов экономического роста надо будет компенсировать это падение увеличением государственных сбережений и инвестиций. Без такой компенсации снижение сбережений и инвестиций, скажем, на 10 п.п. от

ВВП, вызовет падение темпов прироста основного капитала на 5 п.п. ($K/Y = 2$), что может привести к замедлению экономического роста примерно на 2 п.п. в год ($dK*a = 5*0,4 = 2$). Чтобы избежать снижения роста, надо будет увеличить норму накопления на 10 п.п. от ВВП за счет мобилизации внутренних сбережений или привлечения капитала из-за рубежа (табл. 2).

Рис. 4. Мировые цены на золото, нефть и хлопок, 1988-2013 гг.

Источник: Index Mundi,

[http://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=cotton&months=300
&commodity=gold&indicator=price-ratio](http://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=cotton&months=300&commodity=gold&indicator=price-ratio)

Таблица 2. Сценарии экономического развития в 2015-30 гг.

Сценарии	Темпы роста СФП	Баланс по текущим операциям	Изменение ежегодных темпов роста	Увеличение инвестиций, необходимое для сохранения роста
Базовый – благоприятный	2-3%	Остается неизменным (на уровне 2010-13 гг.)	0	0 (инвестиции остаются на нынешнем уровне 25% ВВП)
Неблагоприятный – ухудшение условий торговли	2-3%	Снижение на 10% ВВП	Снижение на 2 п.п.	Увеличение на 10 п.п. ВВП (до 35% ВВП)
Неблагоприятный – снижение темпов роста СФП	0%	Остается неизменным (на уровне 2010-13 гг.)	Снижение на 2-3 п.п.	Увеличение на 10-15 п.п. ВВП (до 35-40% ВВП)
Худший	0%	Снижение на 10% ВВП	Снижение на 4-5 п.п.	Увеличение на 20-25 п.п. ВВП (до 45-50% ВВП)

Другой неблагоприятный сценарий – снижение темпов роста совокупной факторной производительности на 2-3 п.п., то есть примерно до нуля с нынешнего уровня. Такое может случиться из-за «утяжеления» отраслевой структуры производства (смещения в сторону капиталоемких отраслей), из-за истощения месторождений полезных ископаемых, из-за массированных вложений в инфраструктуру (ирригация, дороги), образование, здравоохранение, не дающих немедленной отдачи. А также по причинам, которых мы не знаем. Предсказать с точностью динамику СФП в будущем не представляется возможным, так что надо быть

готовыми к неблагоприятным сценариям ее изменения. В этом случае темпы экономического роста снизятся на 2-3 п.п., а увеличение инвестиций, нужное для компенсации этого снижения, составит 10-15% от ВВП (табл. 2).

Худший сценарий. Если ухудшение условий торговли совпадет со снижением темпов прироста совокупной факторной производительности, возможно падение темпов экономического роста на 4-5 п.п., то есть более, чем вдвое. Чтобы компенсировать такое снижение потребуются повышение доли капиталовложений в ВВП до 45-50% (табл. 2), что, видимо, вряд ли возможно в течение короткого периода времени.

Как правительство может ответить на риски замедления роста

Чтобы компенсировать снижение темпов роста из-за возможного ухудшения условий торговли и (или) падения темпов роста совокупной факторной производительности, можно увеличить капиталовложения за счет внутренних или внешних (приток капитала, займы) сбережений. *Собственно говоря, это практически единственный способ противодействия снижению темпов роста, так как СФП и темпы роста труда (занятости) определяются в значительной степени объективными факторами, то есть находятся вне сферы воздействия правительственной политики.*

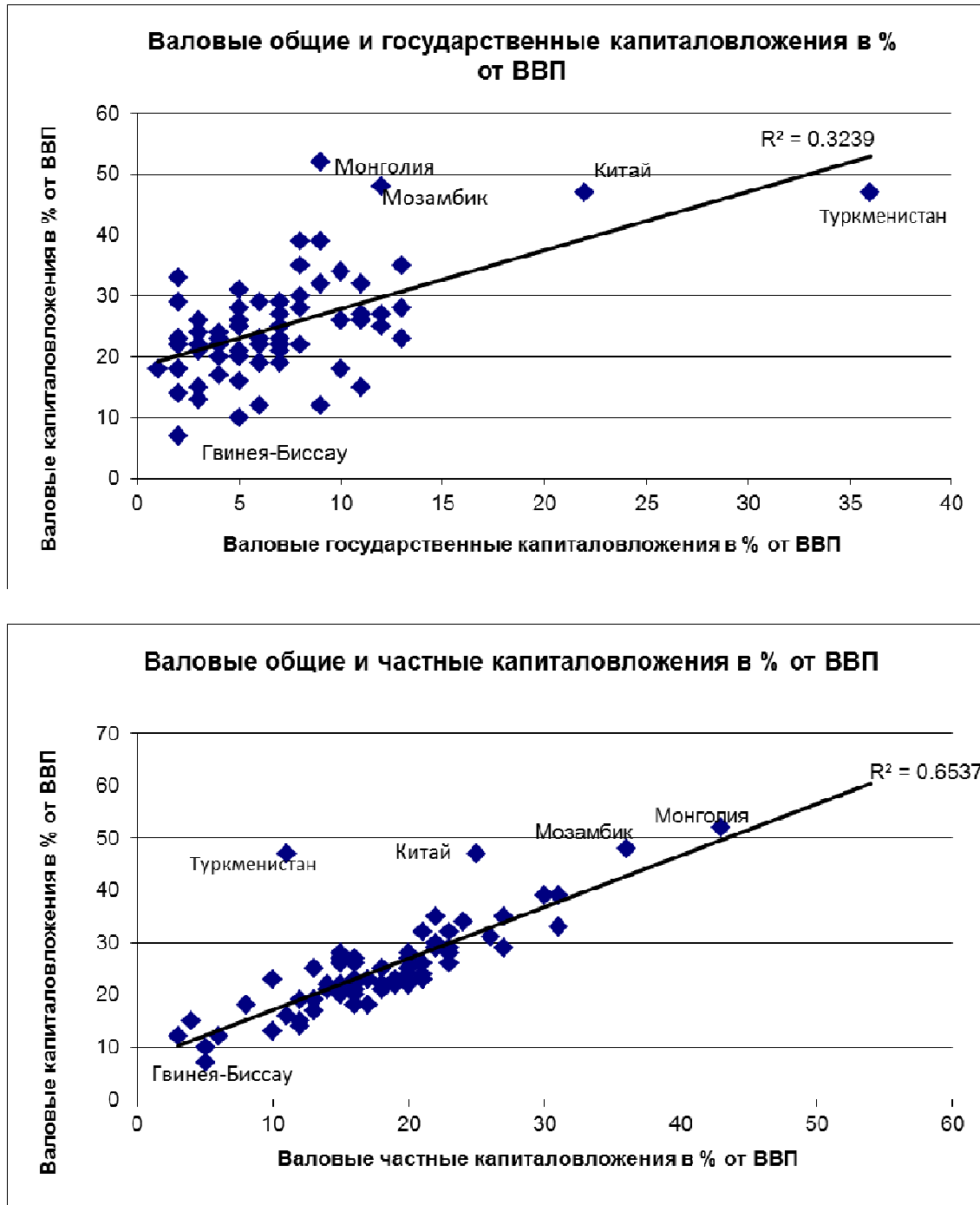
Для мобилизации дополнительных сбережений у Узбекистана есть значительный задел прочности. Во-первых, нынешняя норма накопления – менее 25% ВВП – не слишком высокая, у многих стран со схожим

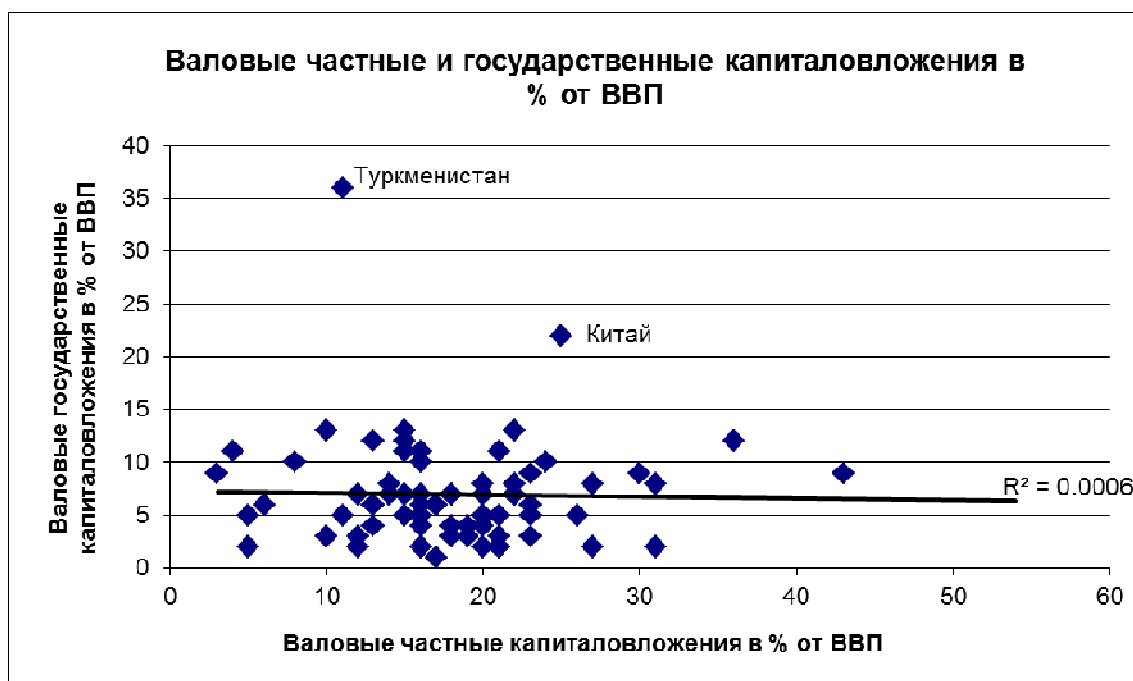
уровнем развития доля инвестиций в ВВП выше. Доля инвестиций в ВВП в 2012 г. в Ботсване, Беларуси, Китае, Индии, Индонезии, Лаосе, Лесото, Мавритании, Нигере, Танзании, Тонга составила 30% и более, а в Китае, Монголии, Мозамбике, Туркменистане – более 40%. Во-вторых, государственный бюджет сводится с профицитом, а внутренний и внешний долг невысок, так что есть возможность мобилизации сбережений через повышение налогов для финансирования госинвестиций и через займы внутри и вне страны.

Как видно из рис. 5, не только частные, но и государственные инвестиции способствуют повышению доли инвестиций в ВВП, так что если по каким-то причинам частные инвестиции «не идут», государство может добиться увеличения общего объема инвестиций через расширение своих, государственных, инвестиционных проектов, финансируемых через налоги или займы. Государственные, бюджетные сбережения, как свидетельствуют исследования, не вытесняют частные в пропорции 1:1, но лишь в пропорции 25-50 центов на каждый доллар (Schmidt-Hebbel, Serven, and Solimano 1996) или же даже способствуют увеличению частных инвестиций, особенно в бедных странах (Eden, Kray, 2014).

Собственно говоря, даже при благоприятном сценарии целесообразно стремиться к повышению доли инвестиций в ВВП для увеличения вложений в инфраструктуру, образование, здравоохранение – сферы, которые в 90-е, да и в 2000-е годы испытывали явный недостаток финансирования. Это позволит создать задел на будущее и избежать неожиданностей, связанных с разрушением изношенных основных фондов.

Рис. 5. Частные и государственные инвестиции в % к ВВП в 2012 г.

Источник: WDI.

Какие отрасли должны развиваться опережающими темпами

Сокращение доли промышленности в ВВП и рост доли сферы услуг – объективный процесс, но в быстрорастущих странах (Китай) с это сокращение было более медленным, чем в других. Повышение же доли машиностроения в продукции обрабатывающей промышленности, как в Китае, похоже, обычно сопровождает быстрый рост или даже является мотором этого роста. Мы не знаем случаев быстрого роста («экономических чудес»), которые бы базировались на преимущественном развитии сферы услуг. Рост доли промышленности в Узбекистане в минувшее десятилетие следует поэтому считать положительной тенденцией.

На какие именно отрасли обрабатывающей промышленности следует делать ставку – сложный вопрос, не имеющий, к сожалению, точного экономически обоснованного ответа. Есть несколько способов определить отрасли, которые следует поддерживать в рамках промышленной политики.

Можно воспользоваться опытом других стран: известно, что относительно бедные страны начинали с экспорта текстиля и обуви, потом переходили к экспорту стали и продукции тяжелой химии, потом – к экспорту автомобилей и электротехнических изделий (стиральные машины, холодильники), потом – бытовой электроники и компьютеров. Такая схема получила название «летающие гуси» – по мере перехода стран к более продвинутым видам экспорта освобождающиеся ниши занимали менее развитые страны, идущие следом.

Известный китайский экономист Дж. Лин, бывший главный экономист Всемирного банка, считает что страны должны опираться на свои сравнительные преимущества и не стараться экспортировать слишком сложную продукцию, когда они находятся на низком уровне развития (Lin, 2011). Напротив, в статьях Рикардо Хаусманна, Джейсона Хванга и Дэни Родрика (Hausmann, Rodrik, 2003; Hausmann, Hwang, Rodrik, 2006; Rodrik, 2006) доказывается, что чем сложнее структура экспорта в конкретной стране, тем более это стимулирует темпы экономического роста. Китай, например, и в 1992 г., и в 2003 г. имел наибольший разрыв между гипотетическим (рассчитанным исходя из информации о сложности экспорта) и фактическим уровнем ВВП на душу населения, то есть структура китайского экспорта соответствовала структуре вывоза страны, которая в несколько раз опережала Китай по ВВП на душу населения.

Возможно, переход от одних отраслей к другим определяется циклом нововведений. Этот цикл – короткий для электроники и длинный для фармацевтики и химии: этим, может быть, и объясняется, что страны Восточной Азии, поставившие на короткий цикл, избежали «стагнационной ловушки для стран среднего уровня дохода» (middle income trap) – (Lee, 2013).

Можно попробовать поддерживать сразу несколько отраслей, кажущихся перспективными, объявив, что поддержка кончится, если не будет достигнуто увеличение экспорта в течении, скажем, 5 лет. Это называется “EPconEP” (‘effective protection conditional on export promotion’) – эффективная защита, обусловленная развитием экспорта (Jomo, 2013). Творцы экономической политики в этом случае подобны полководцу, который начинает наступление по нескольким направлениям, но бросает резервы туда, где наметился прорыв.

Можно постараться рассчитать, в каких именно отраслях ограниченные инвестиции дадут наибольший эффект в виде создания конкурентоспособного на мировом рынке производства. Вероятнее всего, в тех, где отставание по уровню совокупной факторной производительности от самых передовых стран меньше, чем в других, а темпы роста СФП выше.

И, наконец, можно действовать в значительной степени наугад. Важно только проявлять последовательность – встав на путь поддержки какой-то отрасли, не поворачивать назад, даже если немедленного успеха нет и прорыва на мировые рынки не наблюдается. Ведь современная теория

международной торговли как раз и объясняет страновую специализацию не сравнительными преимуществами, а «обучением в процессе производства» (“learning by doing”).

Если у страны нет никаких сравнительных преимуществ, как, например, в послевоенной Японии, то надо создавать их самим («динамические сравнительные преимущества»), осваивая производство изделий, которые ранее не производились. Начиная такое производство и последовательно стимулируя экспорт, не сворачивая с пути некоторое время, страны постепенно становятся конкурентоспособными. Если бы Япония, не обладающая ни полезными ископаемыми, ни обширными сельскохозяйственными угодьями, полагалась на сравнительные преимущества, то экспортировала бы сегодня даже не суши (в которые входит рис), а только сашими.

Узбекистан создал с нуля автопромышленность, которая сегодня производит более 200 тыс. автомобилей (и двигатели к ним), причем половину из них экспортирует (Попов, 2014). Это несомненный успех промышленной политики, прорыв на мировые рынки с продукцией среднего уровня наукоемкости, который ранее удавался только странам с более высоким уровнем развития.

В последние годы, однако, ставка, похоже, делается на тяжелую химию – Шуртанский газохимический комплекс и планируемое производство синтетического жидкого топлива на основе очищенного метана совместно с южноафриканской «Сасол» и малайзийской «Петронас», завод по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ, Дехканабадский

завод калийных удобрений, Устюртский ГХК на базе месторождения Сургиль. Такая стратегия может создать трудности для экономического роста.

Во-первых, запасы газа близки к истощению, прогнозируется снижение производства газа с 2015 г. (World Bank, 2013), так что использование газа для производства полипропилена и другой химической продукции будет вести к снижению энергетической самообеспеченности. Если прогноз Всемирного Банка реален, то придется импортировать больше нефти и (или) газа, который сейчас экспортируется, чтобы удовлетворить внутренние потребности Узбекистана в энергии. Производство синтетического жидкого топлива из газа еще более снизит уже сейчас низкую загрузку мощностей на двух НПЗ Узбекистана.

Во-вторых, преимущественное развитие тяжелой химии может привести к замедлению темпов роста или даже к снижению СФП. Расчеты показывают, что как уровень производительности труда и СВП, так и темпы роста этих показателей в минувшие 10 лет были наиболее высоки в машиностроении, легкой и пищевой промышленности, а не в нефтехимии и химии (Чепель и др., 2014).

Наконец, в-третьих, ставка на машиностроение среднего уровня сложности (автомобилестроение) уже себя оправдала, это проверенный путь, возможно, правильнее было бы развивать успех на этом направлении, а не пытаться сделать конкурентоспособными новые отрасли. Масштабы экономики Узбекистана могут оказаться

недостаточными, чтобы специализироваться более, чем на одной группе отраслей.

Литература

Попов В.В. (2002). [Три капельки воды: заметки некитаиста о Китае.](#) – Москва, Издательство «Дело», 2002г.

Попов В.В. (2014). Экономическое чудо переходного периода: как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике. - ["Журнал Новой экономической ассоциации", № 1 \(21\), 2014.](#)

Чепель С.В. и др. (2010). Экономический рост и инновации: теория, практика и моделирование. Институт прогнозирования и макроэкономических исследований, Ташкент, 2010.

Чепель С.В. и др. (2014). Расчеты совокупной факторной производительности по отраслям. Личная беседа, апрель 2014 г.

APO (2013). APO Productivity Databook, 2013. [http://www.apo-tokyo.org/publications/files/APO Productivity Databook 2013.pdf](http://www.apo-tokyo.org/publications/files/APO_Productivity_Databook_2013.pdf)

Chen, E. (2002) The Total Factor Productivity Debate: Determinants of Economic Growth in East Asia, Asian-Pacific Economic Literature, Volume 11, Issue 1, pp. 18-39. <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-8411.00002/pdf>

Eden, Maya, Aart Kraay (2014). “Crowding in” and the Returns to Government Investment in Low-Income Countries. Policy Research Working Paper 6781. The World Bank February 2014.

Hausmann R., Hwang J., Rodrik D. (2006). What You Export Matters. NBER Working Paper. January.

Jomo, K.S. (2013). The best approach to economic development is pragmatism. In: 22 Ideas to Fix the World Conversations with the World’s Foremost Thinkers, P. Dutkiewicz and R. Sakwa (eds), New York University Press, New York.

Lee, Keun (2013). Schumpeterian Analysis of Economic Catch-up Knowledge, Path-Creation, and the Middle-Income Trap. Cambridge, 2013.

Lin, Justin Yifu (2011). From Flying Geese to Leading Dragons. New Opportunities and Strategies for Structural Transformation in Developing Countries. Policy Research Working Paper 5702. June 2011.

[Popov, V. \(2010\). *Life Cycle of the Centrally Planned Economy: Why Soviet Growth Rates Peaked in the 1950s*. Paper presented at American Economic Association Annual Meeting in Boston, January 2006. *CEFIR and NES working paper # 152*. November 2010.](#)

[<Почему снижались темпы роста советской экономики в брежневский период. - *Неприкосновенный запас*, №2 \(52\), 2007.>](#)

Rodrik D. (2006). What’s So Special about China’s Exports? // *Harvard University*, January.

Schmidt-Hebbel K., Serven L., Solimano A. 1996. Saving and Investment: Paradigms, Puzzles, Policies. *The World Bank Research Observer*, Vol.11, No.1:87-117.

Shackleton, Robert (2013). Total Factor Productivity Growth in Historical Perspective. Congressional Budget Office, Washington, D.C. , March 2013. Working Paper 2013–01.

http://www.cbo.gov/sites/default/files/cbofiles/attachments/44002_TFP_Growth_03-18-2013.pdf

UNIDO (2007). Determinants of total factor productivity: a literature review. – Staff working paper. 02/2007.

http://www.unido.org/fileadmin/user_media/Publications/Research_and_statistics/Branch_publications/Research_and_Policy/Files/Working_Papers/2007/WP022007%20-%20Determinants%20of%20total%20factor%20productivity.pdf

UN Population (2014). <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/population.htm>

World Bank (2013). Uzbekistan Energy/Power Sector Issues Note. Artur Kochnakyan Sunil Kumar Khosla Iskander Buranov, Kathrin Hofer Denzel Hankinson Joshua Finn. Washington DC , 2013

World Development Indicators (2014). <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators>